

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ С. М. ВОЛКОНСКОГО

Публикация Р. А. Тимосова

Известный театральный деятель, художественный критик и педагог Сергей Михайлович Волконский (1860—1937) принадлежал к самым младшим современникам Тютчева¹. Это поколение практически не внесло вклад в мемуарную литературу о поэте (родственники в расчет не берутся), и оттого свидетельство Волконского, совершенно выпавшее из научного оборота, представляет несомненный интерес.

Сохранившиеся источники говорят о том, что при встречах с Тютчевым дети либо «понимали его с полуслова»², не смущаясь его манерами и своеобразным внешним видом, либо, напротив, не соглашались поверить, «что седой этот старичок мог сочинять стихи»³. Сергею Волконскому повезло: его детское отношение к Тютчеву воспитывалось всей культурной атмосферой родительского дома, где поэт, как можно предположить, был нередким гостем. В светское окружение Тютчева легко вписываются и Михаил Сергеевич Волконский (1832—1909)⁴ — крупный чиновник (в 1862—1876 гг. — помощник статского секретаря по департаменту законов в Государственном Совете, в 1876—1882 гг. — попечитель столичного учебного округа, в 1882—1896 гг. — товарищ министра народного просвещения), приятельствовавший со многими писателями (Некрасовым, Гончаровым, Майковым, Полонским и др.)⁵, и Елизавета Григорьевна Волконская (1835—1897) — церковная писательница, автор генеалогического труда «Род князей Волконских» (СПб., 1900); она была внучатой племянницей декабриста С. Г. Волконского и внучкой А. Х. Бенкендорфа⁶.

Свои детские впечатления, связанные с Тютчевым, мемуарист описал спустя полвека: к тому времени Тютчев давно уже стал «одним из настольных поэтов Волконского»⁷. И естественно, что публикуемый мемуар, удержавший свежесть изначального восприятия, включает в себя и итоговую оценку Тютчева, которая сложилась у Волконского на склоне жизни⁸.

Текст печатается по кн.: Сергей Волконский. Быт и бытие. Из прошлого, настоящего, вечного. Берлин, «Медный всадник», 1924, с. 177—180. Опущены строки, не имеющие непосредственного отношения к Тютчеву.

Я помню, смутно помню всклокоченного седого старичка с золотыми очками. В гостиной моей матери помню его, во фраке и с развязанным галстуком; прислонившись к камину, читал «Пошли, господь, свою отраду...» и «Слезы людские...». Как удивительно он читал! Как просто, умно и волнующе. Тонкое, прямо жемчужное у него было произношение, все на концах выдвинутых вперед старческих губ. Как его встречали, когда он входил, — если бы вы только знали, как встречали! Встречали, как встречают свет, когда потухнет электричество и вдруг опять зажжется. С ним входила теплота, с ним входил ум; он нес с собой интерес, юмор — но и едкую, язвительную шутку. Вот где проявлялась та сторона его личности, которая в стихах его мало отразилась, лишь в нескольких эпиграммах. Он не мог бы все то печатать, что иногда срывалось с языка. Из цензурных соображений не мог бы: да, он, служивший по иностранной цензуре, говорил нецензурное. Однако большую ошибку сделали бы мы, если бы из этого стали выводить заключение о его «революционности». Многое в современности тогдашней возмущало его, в особенности Министерством иностранных дел. Но почему? Потому что оно не шло теми путями, которыми, по его мнению, следовало идти, чтобы прийти к осуществлению его идеалов (...) Едкость и злость его шутки иногда принимали характер того, что называли фрондой. Ему принадлежит изречение, в свое время обошедшее



ТЮТЧЕВ

Фотография С. Л. Левицкого. Петербург, 1867

Музей-усадьба Мураново им. Ф. И. Тютчева

петербургские гостиные, — «Русская история до Петра Великого — одна панихида, а после Петра — одно уголовное дело»⁹. Но это Тютчев светский, в гостиной, во фраке, с чашкой послеобеденного кофе в руке. Это были мимолетные блестящие. Это не тот Тютчев, которого можно проследить в его стихах, и это не тот Тютчев, которого способны оценить люди грубые, не тонко образованные, люди, не принадлежащие к тому же уровню культуры, как и он. Да, наконец, этот Тютчев живет только в памяти знавших его, он литературной критике не подлежит.

Тютчев был представитель истинной и изысканной культуры: тип, и в то время редкий по ценности своей, а в наши дни не существующий (...). В нем, в его культурности, жила глубокая наследственность — рядом с славянской — наследственность латинская, германская (...). Тютчев, конечно, самый культурный из всех наших поэтов. Даже в Пушкине чувствую это меньше, чем в Тют-

че. Чувствую в Пушкине некоторое несоответствие между всеобъемлющей его личностью и тем фактическим его горизонтом, который он обнимает. Чувствую в нем неполное знакомство с Западом, личное незнание с Италией. Чувствую, при всей его гениальности, проникновенности, известную «заочность», «наслышанность». Вот этого в Тютчеве нет, — все, даже самое мимолетное, самое дальнее, теряется корнями в недоступных глубинах лично пережитого (...). Повторяю, Тютчев самое *культурное* явление в нашей поэзии! Несмотря на ощущаемое им присутствие дремлющего на дне его природы «родимого хаоса»¹⁰, в нем, однако, нет ни тени, ни намек на дикость, ту дикость, которая живет и, увы, не дремлет на дне русской природы. Вот почему Тютчев так долго оставался неизвестным. Его не знали, потому что у нас вообще чуждались того, в чем видели налет «иностранныости» (...). Нужна была вся сила чуждой искренности тютчевской поэзии, нужна была вся мощь его русского слова, чтобы свет его имени прорвал завесу предрассудков. И нужна была смерть, поглощающая человека, и время, выдвигающее его ценность.

КОММЕНТАРИИ

¹ См. о нем: «Новый энциклопедический словарь», т. 11. СПб., б. г., стлб. 416; «Театральная энциклопедия», т. «Дополнения». М., 1967.— Указатели, стлб. 830—831; «Энциклопедический словарь русских писателей», т. 1. М., 1989.

² Ф. (Ф.) Т (ютчев). Федор Иванович Тютчев. (Материалы к его биографии).— *ИВ*, 1903, № 7, с. 195.

³ Д. В. Григорович. Гуттаперчевый мальчик.— В кн.: Д. В. Григорович. Избранное. М., 1984, с. 511. Сцена, описанная в этой повести (1883), несомненно восходит к реальному эпизоду.

⁴ О знакомстве поэта с М. С. Волконским см. в наст. томе, кн. I: Тютчев — Аксаковым, п. 5, прим. 6.

⁵ См. о нем подробнее: С. А. Венгеров. Источники словаря русских писателей, т. 1. СПб., 1900, с. 630; Н. В. Зейфман. Источники по истории правительственной политики в области образования в 1880-х годах и материалы по истории декабризма (Архив М. С. Волконского). ГБЛ. Записки Отдела рукописей. М., 1972, вып. 33, с. 5—36.

⁶ См. о ней: «Энциклопедический словарь русских писателей», т. 1.

⁷ М. Цветаева. Кедр. Апология.— «Записки наблюдателя». Прага, 1924, кн. 1, с. 153.

⁸ Большое влияние оказала на С. М. Волконского и известная работа В. С. Соловьева о Тютчеве. «Приходит мне на память, как однажды Владимир Соловьев читал лекцию о Тютчеве (он только что написал свою знаменитую характеристику, послужившую исходной точкой дальнейших исследований о поэте (см.: Вл. Соловьев. Поэзия Ф. И. Тютчева.— *ВЕ*, 1895, № 4, с. 735—752)). В одном месте лекции он говорил о чередованиях света и мрака: «Эти переходы из тени в свет и из света в тень...». Вдруг на этом самом слове гухнет электричество, зал погружен в недоумевающую темноту, и среди всеобщего озадаченного молчания — громкий, искренний, радующийся смех Владимира Соловьева...» (Сергей Волконский. Быт и бытие... Берлин, 1924, с. 49).

⁹ Незадолго до появления цитируемой книги эта острота была воспроизведена Г. И. Чулковым со ссылкой на сообщение С. М. Волконского (*Тютчевiana*, с. 25, 49).

¹⁰ Неточная цитата из стихотворения «О чем ты воешь, ветр ночной?..» (1836).